

ПУТЬ, КОТОРЫЙ НУЖНО ПРОЙТИ ДО КОНЦА. О «военных» романах Юрия Слепухина.

«Самая засекреченная война нашей истории», – сказал о минувшей войне Юрий Слепухин. И хотя «секреты» вроде бы раскрываются, – жить от этой правды не становится легче. XX век вообще (я Россию, прежде всего, имею в виду) обернулся к нам многими трагическими ликами и гримасами. Он еще весь в запутанных узлах. Вторая мировая война не только погубила десятки миллионов жизней, изменила судьбы народов. Она покалечила души, смешала добро и зло, правду и ложь. Вот в чем мучительнее всего разбираться. И – нужно разобраться!

...Помните, как начинается свой рассказ о пережитом на войне шолоховский Андрей Соколов? – «Иной раз не спишь ночью, глядишь в темноту пустыми глазами и думаешь: «За что же ты, жизнь, меня так покалечила? За что так исказнила?» Нету мне ответа ни в темноте, ни при ясном солнышке... Нету и не дождусь!» Уже более полувека литература о войне пытается ответить на эти вопросы, которые вместе с шолоховским героем задавали и задают себе миллионы людей. И – находят все новые и новые, нередко трагические ответы.

Понятно, что легче от этого не становится. Устами одного из близких себе персонажей Юрий Слепухин говорит, что «война не только лучшее раскрывает в человеке, но и худшее тоже, она раскрывает его целиком, выворачивает наружу все, что есть у него в душе» («Ничего кроме надежды»). Сегодня русская литература по-новому всматривается в уходящее прошлое, во все, что в нем «вывернуто», сдерживая и стоны боли, и агитационное усердие. Это в полной мере можно сказать о военной тетралогии Юрия Слепухина. После первых трех книг – «Перекресток», (канун войны), «Тьма в полдень» (жизнь в оккупации), «Сладостно и почетно» (антифашистское движение в нацистской Германии), он пишет роман «Ничего кроме надежды», в котором доводит события до дней Победы.

Как бы много о войне ни было написано, в этих книгах Юрий Слепухин не идет уже известными путями, хотя полемически соприкасается со многим. И в полемике правда чаще всего на его стороне. Дело здесь не только в таланте, но и в том еще, что Юрий Слепухин обладал опытом лично пережитого, которого не было почти ни у кого из писавших и пишущих о войне (тут вспоминаются, разве что, два Семиных – Виталий Семин и Леонид Семин, чьи пути в каких-то «перекрестках» сближались с путями Юрия Слепухина). Им, Юрию Слепухину, в том числе, не нужно было «перевоплощаться». Они вбирали в себя жизнь по обе стороны фронта, были погружены во всю ее трагическую подлинность. Поэтому и наш автор тетралогии о войне столь многолик и в то же время един. Он переживал весь этот опыт л и ч н о. И не по выбору, а «сплошь». Поэтому герои его романов: мужчины и женщины, советские солдаты и офицеры, офицеры и солдаты вермахта, «остарбайтеры» и их надсмотрщики, русские эмигранты и партизаны-подпольщики, – не роли, не маски, не заемные фигуры из готового политизированного набора, а – л и ч н о е, пережитое, испытанное, как говорится, «на своей шкуре», своей судьбой, пропущенное через собственную душу... И рискну сказать даже: Юрий Слепухин как мало кто знает не только то, какие эти люди – разные. Но и какие при том – похожие. Они – люди XX века: и советские, в том числе юные энтузиасты, и западные, в том числе разноликие немцы. И у тех, и у других головы и души немало заморочены всякими «переломами», пропагандой, соблазнами, страхами, иллюзиями. Но самое сильное и главное в его книгах то, что они – люди п р о з р е в а ю щ и е. Ведь «проклятые вопросы» кажутся нам такими неразрешимыми больше всего потому, что мы не умеем или боимся посмотреть правде в глаза. Писатель с самого начала шел на это. Романы Юрия Слепухина имели поэтому нелегкую судьбу. Например, последний из них был напечатан в «Неве» с немалыми купюрами (тогда иначе было нельзя!); теперь движение к правде стало свободнее, полнее. Стало быть, и «вопросы» начинают поддаваться пониманию. И, может, потому становятся «решимее». Они – как это нередко бывало в литературе о войне – все меньше упираются в идеологические догмы. События переживаются героями Юрия Слепухина – и нами, читателями, – на ч е л о в е с к о м уровне. Поясню эту мысль: я, например, очень высоко ставлю роман Василия Гроссмана «Жизнь и судьба». Но это – роман непримиримой идеологической антитезы. Там противники н и к о г д а не поймут друг друга. Они – смертельные враги. У Гроссмана – крошечный ужас взаимонасилия идей, столкнувшихся в слепой взаимной ярости. И принесших все человеческое в жертву своей догме. Такую же полемику вели в своих книгах многие (напомню из недавних еще Георгия Владимова). Но в таком мире ЧЕЛОВЕКУ

НЕЛЬЗЯ ЖИТЬ! Это мир взаимного и само-уничтожения. В романах Юрия Слепухина почти нет этого накаленного, доведенного до самоослепления идеологического бесовства – и с той и с другой стороны, – перед которым бессильно все живое: народная мудрость, человеческое сердце, разум, душа. Юрий Слепухин не обличает, не казнит людей не подлежащими обжалованию приговорами, – он думает в м е с т е с л ю д ь м и, старается понять их – и тех, и этих. Не давит на читателя, и поэтому читатель ему верит. И верит потому, что получает возможность разбираться в происходящем с а м! Юрий Слепухин п о к а з ы в а е т: а как все это б ы л о, как люди переносили (или не переносили!), как жили (и как погибали); он дает честные и компетентные п о к а з а н и я. И тогда перед нами встает правда истинного п р а в о с у д и я: не умолчу, не солгу, не поддамся каким бы то ни было соблазнам.

И лишь в редких случаях – эти случаи воспринимаются как событийный «комментарий» – возникают вполне возможные сами по себе эпизоды сюжетных обострений (комсомольское подполье в романе «Тьма в полдень»), антигитлеровский теракт («Сладостно и почетно»), заговор «остарбайтеров» («Ничего кроме надежды»)… Есть и другие острые повороты событийной интриги. Но, по-моему, все же не в этом главная сила Слепухина-романиста. Его книги не нуждаются в «оживляже». Правда Юрия Слепухина – в ч е л о в е ч е с к о й многоликости, в откровенности, с которой мы начинаем понимать р а з н ы х людей, а не тратим свои симпатии и антипатии на идеологизированных марионеток, как это бывает порою и в книгах о войне.

Война встает в романах Юрия Слепухина как б ы т, но ставший антижизнью, странной «нормой», вытесняющей естественность человеческого существования. И даже д о военная, якобы еще «безвоенная» жизнь тоже встает со страниц романа и в воспоминаниях героев как странность. Вот в чем одно из главных открытий Юрия Слепухина – война и жизнь вообще несовместимы. Война реальная или внушаемая пропагандой (особенно в первом романе) – это повседневная п о р ч а, калечение жизни. Война становится уродливой «нормой», и порча людей – тоже становится обычной, почти не вызывающей сопротивления («война все спишет»). Но в том то и сила прозы Юрия Слепухина, что он, его писательская интуиция, его чувство жизни вызывают к восстановлению «общей ткани» существования, общего языка людей (пусть самых разных – наиболее глубоко это состояние переживают герои романов «Сладостно и почетно» и «Ничего кроме надежды»…) С этой точки зрения одну из самых интересных психологических и этических задач решает в этих романах Болховитинов – этот с восьми лет русский эмигрант, сталкивающийся и с советскими и с нацистскими догмами, с людьми убежденными и людьми принужденными (например, ведущий в последнем романе спор с «власовцем») и старающийся понять всех!..

И хотя многие из персонажей романов не встречаются друг с другом – они живут в одном душевном «слое»: хотят разобраться в себе, в других и во всей этой страшной «мутирующей» действительности вокруг. Таков, например, Дежнев, испытывающий глубокое отвращение к навязанной ему войной «профессии убивателя». И внутренние борения Игнатьева в последнем романе, и страдания Татьяны Николаевой, и мучительные переживания Елены, и просто эпизодические, мимолетные, но ранящие сдвиги (например, в последнем романе, когда немецкая девчонка в форме «гитлерюгенд» попадает в советский плен и – от ужаса, в смятении, во внушенной себе безнадежности, ни во что не веря, взрывает гранатой себя и пожалевшего ее старого советского солдата: в душе человеческой оказываются расстроенными, выведенными из нормы самые простые и главные «рефлексы». И как трудно они восстанавливаются!). Непрощаемая вина войны в этом разобщении людей, в «расколе» великой единой правды, которую не заменить никакой «казенной» идеологией – с той ли, с другой стороны – отменившей общечеловеческую истину (а без нее не выжить: ни тогда, ни сейчас).

Перемены, которые мы – в России, да и во всем мире – пережили в XX веке – сделали умы и души «портативными», способными к самым противоестественным превращениям. Вот одно из рассуждений Елены в последнем романе: «Да, странно, но иначе невозможно, пожалуй, иначе нельзя было бы жить – если бы не эта способность забывать даже самое страшное, смириться с потерей самого дорогого, войти в новый отрезок жизни – как входят в новый, не обжитой еще дом – налегке, оставив за порогом все прежнее...». В этом – вина войны, да и всей нашей истории перед истинной ЖИЗНЬЮ, перед человеческой ДУШОЙ. И хотя А.Твардовский писал в своей великой поэме: «Бой идет не ради славы./ Ради жизни на земле», – т а война все же слишком много сделала п р о т и в жизни на земле (да и все остальные войны XX века!). Это выражает внутренний дух военной тетралогии Юрия Слепухина.

Этим она включается в муки осмысления нашей военной истории – от написанных в обжигающем огне войны книг 40-х годов до наших дней – с книгами Владимира Богомолова, Константина Воробьева, Григория Бакланова, Василия Быкова, Светланы Алексиевич, Виктора Астафьева (с его жестоко правдивым последним незавершенным романом «Прокляты и убиты»)...

...Окинем хотя бы беглым взглядом романы слепухинской тетралогии – один за другим.

Вот «Перекресток», первый роман, задуманный еще в Аргентине, в годы вынужденной эмиграции. Там создана картина предвоенной, во глубине нарастающее тревожной, но во внушенном идеологией сознании всех его, особенно молодых персонажей, – бесконечно увлекательной, светлой жизни. Жизни, запланировано устремленной в грядущее – еще более счастливое и послушное.

Там завязываются судьбы молодых людей, тогда еще школьников, юных энтузиастов и оптимистов, которым, увы, предстоит пройти страшный путь через всякое на войне. Это Сергей Дежнев, Татьяна Николаева – племянница кадрового военного Николаева – Дядисаши, это Людмила Земцева, Леша Кривошеин (Кривошип), Володя Глушко...

В первых главах перед нами, как сказано, поток юной, радостной, увлеченной мечты, ослепляющей мысль. Вот Сережа Дежнев, старшеклассник: «Жизнь была слишком интересной, для того, чтобы ломать голову над ее смыслом». (А ведь придется, да еще как придется поломать! Вся жизнь окажется (точнее – внушенные представления о жизни!) – совсем иной, все полетит вверх тормашками в самом скором времени!).

Совсем незадолго до войны их поведение определяли романтические увлечения: «Мы земную жизнь переделаем!» Вот у Сергея Дежнева: «Овладеть наукой, которая способна превратить машину в разумное существо!» (а тем временем их самих – разумные существа, казалось бы! – превращают в послушные исполнительные машины...) Вот Татьяна Николаева, насмотревшись фильмов о «шпионах», вдруг увлекается: «А ведь самому быть диверсантом тоже интересно... Если для своей страны,,,») Их чистые души – своего рода «табула раза», где пропаганде, идеологии можно писать все, что угодно. И все же преобладает – при всей наивности – искреннее стремление к защите светлых идеалов, героические мечтания (хотя порою вдруг охватывает их – на фоне всеобщего оптимизма – настроение одиночества...).

Еще неведомо им – они живут в своего рода тщательно дистиллированном мире (хотя слышен, слышен порою голос интуиции!), – что уже приближается к их стране, к их жизням и судьбам – иная, жестокая реальность: они, «...не знают, что в эти часы на мир уже обрушилась самая страшная из новостей. Свинцовый ветер войны уже метет по дорогам Польши». Идет тревожный сентябрь 1939 года, начало войны, которая вскоре все переменит в их судьбах.

...Да, внушенная идеология до поры до времени помогает преодолеть одиночество (за которым, между прочим, еще не сознаваемый молодыми разрыв с народной традицией). Вот почему старшее поколение – воплощение духа традиционного ДОМА, оказывается насильно – в духовном смысле – отделенным от юного поколения энтузиастов: «Мать теперь что! Мать и обождать может, ничего ей не сделается», – с печалью думает одна из матерей (Настасья Ильинична, мать Сережи Дежнева).

...А юные наивно надеются, что война закончится к лету сорокового года.

И все же внутренний мир живого человека нельзя заменить иллюзорным, заданным, как сказали бы сейчас, виртуальным образом мира. Нет, человек интуитивно переживает чувство природы, он любит и страдает, он полон возможностей, которые еще живы во глубинах его внутреннего мира.

И уже в этом романе встает первая и – пожалуй! – одна из главных драматических коллизий: **ВОЙНА И ЛЮБОВЬ!** Затем этот сюжет проходит через всю тетралогия.

И вот что еще нельзя не заметить: все же это поколение юных – может, оттого, что оно «отщепилось» от поколений предшествующих, – наивно, но искренне и возвышенно. Не потому ли предстоит ему взять на себя тяжкий груз познания и прозрения!? Разумеется, отсутствие опоры в старшем поколении – большая травма, которую они все же не могут – пусть не все сознавая – не переживать. (Но в трудных случаях им на помощь все-таки приходят «старики», их житейская мудрость и всепрощение).

И еще добавим: уровень совести народной и человеческой, выношенный веками, все же высок: именно поэтому поколение, особенно юное, интуитивно отделено от тайного механизма демагогии и насилия, скрытого под всеми «высокими» словами. Так и возникает «смесь» народного, глубинного и – внушаемого. Чистоты душевной – и стерильности идеологической. Но

душу не так легко одолеть – это видишь, следя за судьбами и поступками юных героев романа. А им столько предстоит!

Трудный путь взросления (прозрения) начался уже в этом томе. И название «ПЕРЕКРЕСТОК» – не случайно. Все они так или иначе (как и страна, Родина их) находятся на перепутье. Все они человечески индивидуальные. Разные. И по-разному переживают происходящее, когда дух войны вторгается в их души. Жизнь для них начинает все более существовать сама собою. А не внушением. И это обнадеживает.

И тут по-другому хочется сказать о призванности этого поколения. Они – не марионетки истории, какими их хотели сделать «сверху». Они оказались и з б р а н н ы м и среди других, как и сам писатель, к этому поколению принадлежавший.

И поэтому Юрий Слепухин видит, что настроения, внушаемые тогда официальной пропагандой, все же не властвовали над душами, как хотелось бы «верхам». Все его юные герои и героини – правдивы, искренни, чутки... Сквозь красно-розовый туман внушений видны их истинные человеческие лица.

...Кстати, нужно подчеркнуть одну особенность стиля Юрия Слепухина: его герои любят говорить. Говорят много, искренне, им непросто распутать иные «узлы». И если вслушаться – не внутренний ли это монолог самого автора, который возвращается памятью к самому главному из пережитого, желая его снова и снова понять и выговорить...

Истинны, глубоки, смелы и целомудренны страницы о любви Тани Николаевой и Сергея Дежнева. Поразительна фраза, которой заканчивается эпизод первого глубокого сближения любящих: «Ничего не может случиться с теми, кто любит...»

Такие страницы, а их немало – из самых сильных и чистых в романе.

И – в контексте с ними – страницы переживаний, связанных с неизбежностью войны. Ведь герои наши все же немало под властью внушений – относительно войны, в том числе. Например, гражданской войны (в сущности, самой трагической в нашей отечественной истории!). А ведь в те годы читались не «Белая гвардия» Булгакова, не «Повесть непогашенной луны» Пильняка, тем более не «Солнце мертвых» Ивана Шмелева... Преобладала романтика А. Фадеева, А. Гайдара, Н. Островского... И великий «Тихий Дон» тоже был истолкован и внушен однобоко и строго официально...

И все же они – юные герои Юрия Слепухина – на наших глазах взрослеют, начинают понимать жизнь не по заданным шаблонам (хотя путаницы в умах и душах еще хватает). Тем более что не прекращается жестокое давление «сверху»: так вот, например, в самые предвоенные годы запрещено было критически относиться к гитлеризму, и за «неосторожное» высказывание Татьяны Николаевой, комсомолки! – она получает «по комсомольской линии» выговор. Ее даже обвиняют: «Нужно еще выяснить, по чьей указке ты ведешь в отряде (она – вожатая пионерского отряда) пропаганду в пользу англо-американских империалистов...» Вот так!

Да, поистине «ПЕРЕКРЕСТОК»! Как пишет в своем дневнике Людмила Земцева: «Такой переломный для всех нас год. «Перекресток», как говорит Т.» (т.е. Татьяна Николаева).

Противостоят идеологическому насилию сверху еще и здравый смысл и нравственная чистота воспитательницы Татьяны – «простой женщины... есть такие женщины из народа, которые не имеют образования и до всего доходящие своим умом, причем доходят как-то удивительно здраво и верно». Но это, к слову, не всем нравилось...

...Стоит под конец, среди прочего, упомянуть, что писатель помнит и уместно включает забытые бытовые подробности из жизни тех лет, ну, например, что «у дверей обувного магазина собралась толпа – говорили, после обеда будут давать тапочки». Так оно и было: «давали» галоши, метры ситца или сатина, посуду и т.п. – все это было величайшей редкостью в свободной продаже. Вот и собирались толпы у магазинов...

...А предвоенное напряжение все нарастает. «Я уже слышать не могу про войну» (встречаем мы мимоходную реплику). Гроза вот-вот грянет. И последний школьный экзамен сдан за несколько дней до роковой даты июня сорок первого года. Так наши герои выходят на ГЛАВНЫЙ ПЕРЕКРЕСТОК! На выпускном вечере директор еще говорит им о «широкой и ясной дороге», о «личном счастье», а война уже грозно напряглась в нескольких сотнях километров западнее Энска, где приготовилась ко вторжению на нашу землю дивизия СС «Мертвая голова».

Вот он каков – г л а в н ы й п е р е к р е с т о к. Прежняя жизнь наших молодых героев истекает по минутам – так стремительны в потоке времени заключительные главы романа. Еще недавно ребята верили, что «им совершенно нечего бояться и не о чем беспокоиться, потому что над ними есть сила, которая все знает, все умеет и все может...». Увы, н е б ы л о т а к о й с и л

ы. В сущности, она, подлинная сила, трудно рождалась в них самих. Но ее нужно было еще осознать, нужно было понять: что предстояло делать. И – научиться этому...

И вот – самое острое переживание – Сергей Дежнев добровольцем, не ожидая призыва, идет воевать. Татьяна остается. Он говорит ей на прощание: «Кем бы я был, интересно, если бы остался сейчас в тылу, пока тебя кто-то другой защищает там, на фронте...».

Все переменялось в их жизни. И даже «облик города был непривычен и дик», – таким видит его Татьяна в финале первого романа.

...И вот наступает «т ь м а в п о л д е н ь». Так назвал Юрий Слепухин свой второй роман о войне. И начинает он с размышления о том, что за люди были эти немецкие «здоровые и чистоплотные молодые убийцы», которые творили «массовое и механизированное убийство» на чужой земле. И видит ответ в том, что «идеология этих молодых людей», «простая до убожества», была отштампована «поточным методом в школах, казармах и партийных организациях НСДАП».

Собственно, это и есть весьма распространенный в XX веке – при тоталитарном режиме – способ обезчеловечивания, который и становится превращением света в тьму.

...Ну, а дальше в событиях романа показана во многих точных и лично пережитых подробностях судьба уже известного нам города Энска в годы оккупации. Юрий Слепухин создает картину жизни, которую мы, читатели, воспринимаем с великой болью и состраданием. Писатель же стремится быть честным и внимательным свидетелем: вот как все было с нашими знакомыми, недавними школьниками, с их взрослыми родными, с их земляками, как переживали они беду «большую и общую, касающуюся решительно всех».

Многие из наших знакомых, вернувшись с оборонных работ в родной город, или побывавшие в неравных боях, оказались в совершенно новой реальности. И то, что переживают они, писателем выражено с такой непосредственной правдой, что захватывает читателя как собственное погружение в кромешную тьму войны. Да, «места для радости в этом мире уже не было». Раз за разом оказываются они под жестокими бомбежками. Голодают. Одних выгоняют на принудительные работы. Другие становятся жертвами «расовой» нетерпимости...

Волнуют нас растерянность и – по-началу – бессилие молодых ребят в условиях отступления отечественной армии. Они мечутся в жестокой неразберихе, с трудом, пройдя тяжкие испытания, находят свое непредвиденное место, все-таки вступая в борьбу, которая стала для них во многом роковой. Так возникает, например, в городе комсомольское подполье, во многом стихийное, самочинное, никем не организованное. И – при всем героическом, самоотверженном сопротивлении, – закончившееся трагически. Тут нужно обратить внимание на подвиг Татьяны Николаевой.. Сначала она пошла работать в немецкую лавку. Это трудный – особенно для души трудный, но надежный способ собирать информацию о настроениях немецких офицеров (говорили они много и, в общем, довольно откровенно). Но в глазах советской молодежи это ее принижало («обывательница на все сто!»). Немногие знали, что, рискуя своей жизнью, она предупреждала тех земляков, кого расовая ненависть обрекала на гибель. И не только жизнью рисковала: ведь сказать об этом обреченному человеку – какая это взаимная душевная травма, какое переживание! «На фронт ее не взяли – видите ли, для девушки слишком трудно! А в оккупации – легче?»

Но Татьяна вскоре решила на еще более опасное дело: стала работать в главной канцелярии оккупантов – гебитскомиссариате. Здесь, в самом средоточии оккупационного режима – она вроде бы простая канцелярская служащая, обязанная перепечатывать разные бумаги. Но в иных бумагах, среди прочего, содержатся важные сведения, необходимые подпольщикам. И вот, рискуя жизнью, она снимает копии, раскрывает секреты. Она таки становится разведчицей. И это тоже ее подвиг. Здесь она не только рискует жизнью каждый день. А разве не горько ей оттого, что иные жители города считают ее пособницей оккупантов?! Все это она должна переносить. «Самая здоровая психика не может выдержать нагрузки непрерывного страха». И – добавим – чувствовать отчужденность земляков, но Татьяна проходит жестокую проверку жизнью в сгущающейся тьме. Эти и многие другие страницы романа читаются с глубоким – и мучительным – интересом. То, что происходит с Татьяной – это время трудного и необходимого с а м о п о з н а н и я. Вот что, можно сказать, обобщая, стало углубляющимся, нарастающим, нравственным, психологическим сюжетом романа. И всей тетралогии (в заключающей книге мы еще не раз встретимся с Татьяной).

Это составляет основной сюжет второй книги тетралогии, в которой оккупационный быт (если его можно назвать бытом) передан в картинах во многом новых для нашей литературы: точных и зримых.

...Если говорить о том, что еще есть н о в о г о в этом романе – нельзя не сказать о русском эмигранте Болховитинове, которого судьба забросила в город Энс, где он становится сострадающим участником происходящего, глубоко переживая беды своей Родины. Он служит в немецкой фирме лишь потому, что это был способ вернуться в Россию. Словом, это разнообразие и многообразие людей и их проявлений в условиях оккупации во многом ново в нашей литературе. Оно создает своеобразную психологическую ткань романа.

...Стоит добавить, что и здесь Юрий Слепухин полемизирует – впрочем, без всякого нажима, – с теми книжными внушенно-героическими представлениями о войне и оккупации, особенно, когда речь шла о партизанской или подпольной борьбе, которые в свое время так влияли на наше сознание, особенно у юного поколения. Писатель не входит в прямую полемику, но сохраняет свое видение происходившего. И этим также, в сущности, подтверждается уже всем нам понятная истина: война как великая и трудная т е м а литературы (и не только литературы) еще не з а к р ы т а.

Тем более ничего или почти ничего – за немногими исключениями – не было написано о том, что происходило в это время в самой нацистской Германии, переданного нам писателем как бы из первых рук, пережитого теми, кто был в одном поколении с автором, на себе узнавшем то, что выпало на долю многих. Логическая, личностная включенность романиста, который сам во многом шел теми же путями, какими шли юные герои его тетралогии, ощущается тут всего более, прежде всего в новизне и достоверности изображаемого и пережитого – и знакомыми нам и новыми персонажами.

...Словом, откроем третий том цикла – роман «Сладостно и почетно» – одну из самых неожиданных и новых книг в русской литературе о войне.

В ней впервые – в художественной прозе – показано, что в это время происходит в Германии. По большей части – Дрездене. И связывает сюжетно этот роман с предыдущими судьба Людмилы Земцевой, попавшей в нацистскую Германию в 1943 году в качестве «остарбайтера». Волею совпадения многих обстоятельств (в замысле романиста) она оказывается в центре потрясающих событий! Движение сюжета в третьей книге захватывает и своеобразную – антинацистскую немецкую интеллигенцию. Людмила оказывается прислугой (в сущности, приемной, пригретой дочерью) в доме профессора-искусствоведа Штольница. Она – сначала случайная знакомая, а затем и искренне, нежно любимая капитана немецкой армии, антигитлеровца Эриха Дорнбергера, молодого ученого-физика, более того – участника заговора против Гитлера, «заговорщика», увы, погибшего, когда покушение закончилось неудачей. Понятно, разумеется, что эпизод с заговором, ставший в романе центральным, вовлекает огромное количество персонажей, делает сюжет не только многослойным, многоликим, но и нравственно, идейно напряженным.

...Кстати, почему роман так называется? Это – отголосок знаменитой фразы Горация: «Сладостно и почетно умереть за Отечество». Так внушают себе участники террористического акта против Гитлера. Сюжет с неудавшимся покушением в «Волчьем логове» держит читателя в большом напряжении. Но, как известно, «политический блиц-криг» не удался. И в более глубоком смысле неудача эта лишь подчеркивает: жизнью правят не террористические акты, не счастливые или трагические случайности, а глубинные закономерности. К сожалению, XX-й век приучил нас надеяться на счастливый случай: революции, «переломы» и т.п. Но не от них зависят и с т и н н ы е судьбы людей и народов. Зато как много – и катастрофически! – нарушают в вековом течении жизни все эти перевороты и перестройки. Об этом, как мы видели, не раз ссылаясь на текст, особенно много размышляет – и показывает! – романист в заключительной книге тетралогии – романе «Ничего кроме надежды».

Теперь уже мы, читатели этого завершающего романа, переживаем не столько батальные сцены, хотя они и есть, а осмысление войны как трагической задачи «на засыпку»: или пойдем, решим и выживем, или – так и будем снова и снова кидаться «из огня да в полымя!». И поэтому здесь нужен писателю – и нам! весь набор войны: ее быт, ее тылы – немецкий и советский, фронт, лагерь, оккупация, картины жесточайшей бомбежки английской авиацией Дрездена, воспоминания о блокадном Ленинграде... И – споры, споры – в себе и с другими, мысли разных людей, мысли неожиданные, непривычные, опасные. Но недодумав, недоспорив, не разобравшись в себе – не выжить: ни в войну, ни после войны...

Здесь особенно впечатляет многомерное восприятие и переживание войны. Пожалуй, единственное т а к о е в нашей литературе. В романе меньше привычного в жесткости и наглядности боевых эпизодов, но зато мы вы видим войну во многих прежде отсутствующих (или скрытых) измерениях (поворотах, событиях). Война соединяла сложной связью русских и на чужбине, и в плену, да и в армии. Особенно это связано с русскими эмигрантами второго поколения (Болховитинов). Вообще же, пожалуй, обо всем этом не писал никто: немецкая сторона в последний год войны (все слои, все души, все обстоятельства). Многое в размышлениях Болховитинова – это, вероятно, результат наблюдений, знакомств Ю.С., личного опыта автора, работа его души и мысли. К Кириллу Болховитинову это относится более всего. Но это чувствует и Сергей Дежнев, думая о прежней Татьяне: «Танин образ вдруг распался в его душе». Да, изменились русские люди всех поколений, особенно же – молодежь, больше всего та, что прошла через оккупацию, побывавшая в фашистском рабстве... Это – измерения войны, которых, в сущности не было во всей необозримой «военной» прозе полувека! Особые страницы романа – жизнь «остарбайтеров» в лагере (например, Шарнхорст). И это, тоже, пожалуй, впервые в русской литературе: в такой наглядности, достоверности, безжалостной о б ы д е н н о с т и. Вероятно, здесь, и – как писалось – на многих других страницах, Юрий Слепухин в психологической рефлексии опирается, несомненно, на немалый и нелегкий личный опыт.

Но и «другая», немецкая сторона тоже открывается по-новому. Отступает немецкая часть, и мысли отступающих – новы и откровенны. Идет развал немецкой армии, прежде всего, духовный. Это погружение в человеческие души «другой стороны» – одно из самых с в о и х открытий Ю.С. Всех людей война метит своей печатью. То, что писал Ю.С. двадцать лет тому назад, только в наши годы становится явью отечественной литературы. Тут у него немало полемики с шаблонами прежней прозы о войне.

За всем этим стоит глубокое, напряженное желание писателя: сквозь переломные события войны вернуться к «переломам» самой нашей истории в XX веке. Об этом много думают у него люди, наученные войной, прозревшие в годы войны. У читателя снова и снова возникает чувство неисчерпаемости т о й, п о д л и н н о й войны (но и неисчерпаемой силы жизни, которая этой войне, этому взаимоистреблению народов и людей противостоит). И снова нужно подчеркнуть: эта необычная и небывалая «информационная» насыщенность особая – особая у Ю.С.: во всей огромной литературе о войне не найти того, чему был свидетелем, в чем участвовал писатель. Это одно делает его книгу обязательной в русской литературе. (И все же, не скрою, при всей увлеченности и даже потрясенности прочитанным у Ю.С., не проходит ощущение, что весь его цикл романов – это грандиозное полотно, состоящее ...из эскизов. Писатель, как говорится, «застолбил» огромную тему и – заготовил себе работу еще надолго. Это подтверждается его незавершенным романом «Не подводя итогов», который, к сожалению уже никогда не будет дописан, Юрий Слепухин успел написать лишь пятую часть задуманного...)

Сколько он видел! Чего только не наслышался! Иные – многие! – страницы читать просто нелегко – столько в них тяжелой, больной, но неизбежной ПРАВДЫ о пережитом Россией в XX веке. И эта правда тоже почти не затронута нашей литературой о войне! Таков, например, уже упомянутый разговор Кирилла Болховитинова с «идейным» власовцем: «Гражданская война продолжается!» Это – едва ли не самые трудные и горькие страницы (их, в свое время вычеркнула идеологическая цензура! Дело в том, что последние две книги ранее были одной, под названием «Час мужества». В свое время по идейным соображениям редактор «Лениздата» Лидия Плотникова «задробила» роман, после этого в течение 10 лет ни одну строчку Слепухина не печатали! Существует целая переписка Ю.С. с различными инстанциями по этому поводу! Писатель решил разделить «Час мужества» на две книги: «Сладостно и почетно», «Ничего, кроме надежды», соответственно разделить темы Германии и России, и, конечно, впоследствии дополнил каждую из них. Но в целом эти все события и мысли были написаны сразу!...)

Четвертая книга эпопеи – это еще большее погружение в трагедию войны, трагедию истории. Оправдано ее название уже тем, что писатель – и его герои! – не страшась, думают о пережитом: и личном, и народном. И пережитом всеми народами, втянутыми в мясорубку войны. Для завершения книги характерно это сознание н е з а в е р ш е н н о с т и самого движения жизни в век небывалых потрясений. И – тяжких трудов исцеления покалеченной истории, которые предстоят человеку и народу. *Свет* этой надежды, давшей название последней книге тетралогии, – сотворен и оправдан всем ходом повествования и оставлен нам в наследство писателем. Нелегкое, но такое необходимое наследство!

«Да, Великая Отечественная... Надолго теперь, на десятки и десятки лет суждено ей остаться самой засекреченной войной нашей истории», думает, как мы помним, один из самых опытных и знающих героев Ю.С., генерал-полковник Николаев. И для этого у него есть все основания. В этом трудном прогнозе воедино слиты бесстрашие глубокого исследования, сострадание истинного патриота и честность всезнающего свидетеля. И – ответственность художника, глубоко переживающего создаваемую им истинную картину жизни.

Оптимизм романа труден. И понятно – почему. И все же это именно оптимизм, вера в бессмертие народной души и труда народа по с а м о в о с к р е ш е н и ю. На финальных страницах Кирилл Болховитинов, ставший жертвой репрессий, все же убежден: «главное – вечное – остается неизменным и рано или поздно восстанавливается».

...Конечно же, в этих переживаниях Татьяны Николаевой, Сергей Дежнева, Болховитинова (этого – в особенности!) – немало от пережитого самим писателем, в юные годы поставленного перед мучительным выбором: вернуться – под конвоем – на Родину? Или – оказаться на чужбине? Тяжело лишаться родного ДОМА! Ибо – при всем трагизме повествования – война в романах Ю.С. пережита писателем и его героями как особый «момент свободы». Закончилась война – и снова наступило время «продолжения политики». Вот почему «на войне было легче», как думает генерал-полковник Николаев. Наступает «душевная разруха после войны», вновь берет в плен людей «липкая отравленная паутина страха и подозрительности».

На финальных страницах – мы снова в Энске вместе с Татьяной Николаевой. И снова – в озарении души – проходит перед нею судьба ее поколения, «выпускников сорок первого года». И перед нами, читателями, тоже.

Вот это еще более крупным планом осуществленное в романе «Ничего кроме надежды» пересечение «человеческого» и «исторического» и их неравное противостояние (дающее человеку духовное право, более того – обязанность! сопротивления) и делает итоговый роман поистине новым словом. И хотя Юрий Слепухин, как сказано, почти всегда избегает с в о е й прямой публицистичности, здесь в финале он не выдерживает. И во внутреннем монологе Татьяны Николаевой звучит, несомненно, его голос: «Горькая детоубийца Русь, неужто не нашлось у тебя другой защиты, неужто и впрямь понадобилось выбить цвет целого поколения, пожертвовать лучшими из лучших, от кого не останется теперь ни следа, ни памяти, ни потомства...» Но – «жизнь, какая ни есть, продолжалась, и надо было продолжать жить – ждать, верить, надеяться».

Этими словами кончается последний роман Юрия Слепухина. И стоят даты: 1966–1988. За ними – двадцать два года работы.

**Владимир Акимов,
доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы.**